

Лариса Тимофеева

**АЛЬКА,
или
Я БУДУ СЧАСТЛИВОЙ!**

18+

Лариса Тимофеева

Алька, или Я буду счастливой!

<https://litres.ru/73204808>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда случается так, что негативные события в жизни одних людей, служат преддверием счастья в жизни других людей.

В Алькиной жизни случилось именно так...

Повесть о жизни и войне,
о любви и человеческом выборе,
о детской привязанности, что несмотря на обстоятельства,
переросла в любовь.

Лариса Тимофеева

Алька, или Я буду счастливой!

Алька приехала к тюрьме рано, к восьми утра, рассудив, что раньше этого времени Лёху вряд ли выпустят, а приехать позже, то можно и опоздать. А опоздать она очень боялась, знала, Лёха ждать не будет – уйдёт, потом ищи-свищи его по всей Москве, а то и по всей стране.

Осмотревшись, она присела на пенёк – их было много напилено против ворот тюрьмы – и, по-бабьи подперев щеку ладошкой, приготовилась ждать...

Сколько Аллька себя помнила, столько она помнила и Лёху. Оба их дома стояли на краю села, один наискосок от другого. За огородами Аллькиного дома начинался овраг, куда Аллька спускаться опасалась, а за огородами дома Лёхи начинался лес, где Аллька и провела большую часть своей детской жизни.

Лёха был умница. Так про него говорил учитель физики Роман Андреевич, а Роману Андреевичу верить было можно, потому что когда-то он был учёным в самой Москве. Правда, сельские бабы шептались, что Роман Андреевич в Москве был «наркошей», болтали даже, что и сбежал он из столицы в их таёжную глухомань, потому что его чуть не по-

садили, но Алька бабьим пересудам не очень верила.

Вначале Роман Андреевич стал преподавать в школе физику (Алька это помнит, она как раз в том году пошла в первый класс), а потом, когда умер старый учитель физики, Роман Андреевич стал преподавать физику и астрономию, и все вокруг заговорили, что диплом у Роман Андреевича как раз по физике, да и диплом не абы какой, а МГУ – главного университета страны, да ещё и красный.

По селу учитель разъезжал на велосипеде и частенько приезжал во двор к Лёхе, точнее, не к Лёхе, а к его матери – тётке Анне, разговаривал с ней, про себя рассказывал – он до того, как поступить в МГУ, тоже жил в деревне. Из этих разговоров Алька и узнала, какой Лёха умница да как хватает всё на лету. «Я вас прошу, Лёше надо учиться, ему обязательно, обязательно нужно учиться! – упрашивал Роман Андреевич тётку Анну. – Я вас прошу, подумайте о сыне! Мальчику нужно готовиться к поступлению в вуз!» Почти каждое своё предложение он начинал с этого «я вас прошу».

А один раз Роман Андреевич сказал, что Лёха – это будущее науки.

– Я вас прошу, Лёша – это... – начал он, как всегда, и вдруг запнулся и запутался в словах: – Лёша это... это... эээ... послушайте, Анна Матвеевна, я могу... могу сказать, что Лёша, так сказать... эээ...

Алька не удержалась и прыснула в кулачок, до такой степени Роман Андреевич выглядел потешным. Учитель тоже

рассмеялся, а потом махнул рукой и горячо выпалил:

– Могу сказать, что наука не столько Лёше нужна, сколько Лёша нужен науке! Понимаете, Анна Матвеевна? – и он повторил отдельно каждое слово: – Понимаете, Лёша нужен науке больше, чем наука ему. Понимаете, какая у вашего сына светлая голова? Лёша – это будущее советской науки! Наступит время, и вы, и я будем гордиться Лёшей!

Алька уже и в этот самый момент гордилась Лёхой, а тётка Анна даже не радовалась. Даже не улыбалась, а только кивала головой, молча глядя себе под ноги, и попеременно то завязывала, то развязывала углы своего фартука. Алька её жалела и понимала, сколько бы учитель тётку Анну не просил, тётка Анна не может отвечать за будущее Лёхи, она и за себя не отвечает, потому что тётка Анна была запойной.

Системы в её запоях не было – она могла пить неделю, а могла и за два дня управиться; иногда запивала по два раза на месяц, а когда и по два месяца кряду не пила. В её запой хозяйство ложилось на плечи Лёхи, а хозяйство у них было большое – они держали двух коров, молоком и сметаной приторговывали, растили на продажу поросят и телёнка. Были у них и куры, и гуси, не то что в доме у Альки – из всей скотины один кривоглазый кот Васька, да и тот по двое-трое суток домой глаз не жает.

В их селе каждый жил как на витрине – все были на виду, всем доставалось от бабьих языков, а Лёхиной матери особенно. Одни её жалели, другие клеймили.

– Слышь, Агафья, посмотри! – завидев спешившую от магазина тётку Анну, начинала привычный трёп одна из баб. – Нюська-то никак опять бутылку домой понесла?

– Понесла-а-а! – нараспев соглашалась тётка Агафья. – Вишь, сумку-то как к груди прижимает!

– Опять запьёт! От последнего-то разу, однако, и двух недель ещё не прошло. О-хо-хо! А всё оттого, что холостихой живёт! И собой справна, и работяща, а одна...

– Холостихой живёт оттого, что пьёт! – вскидывалась тётка Агафья. – Колька-то её не зазря, чай, бросил!

Колька – это муж тётки Анны и отец Лёхи, который уехал в город на заработки, пару лет туда-обратно поездил и пропал.

– Да не-ет, Агафья, – вступала в разговор доселе молчавшая баба Рая, – Нюська баба хорошая. Нюська и хозяйство в порядке содержит, и дома любо-дорого посмотреть – и чисто, и уютно. Я вот давеча зашла...

– Угу, – ощерив редкозубый рот, не унималась тётка Агафья, – хорошая! Это Лёха у неё хороший! Это Лёха, не смотри, что мальчонка, и дом, и хозяйство в порядке содержит! Да ещё её, тварь запойную, обмывает да обстирывает!

– Дак и пожалей мальчонку! – спокойно парировала баба Рая. – Твой Петро давно Нюське в мужья навязывается, вот и не стой поперёк!

– Тьфу ты! – в сердцах сплёвывала тётка Агафья. – Петро мой дурак несусветный! Понять не может, что Нюське бу-

тылка слаще мужика!

– О-хо-хо! – вновь вздыхала начавшая разговор баба и вдруг, увидев разинувшую рот Альку, накидывалась и на неё: – А ты чего здесь?.. Уши полощешь?! А ну...

Но Альку понукать было не надо – она уже бежала прочь так, что только коленки посверкивали из-под комом дыбившегося подола сарафанчика.

Алька взрослых не понимала. Не понимала, чего им не хватает, чтобы просто жить. Сама она никогда ни на кого не обижалась и зла не помнила, умела радоваться и тучке мрачной, и солнышку жаркому, а взрослые всегда находили причины, чтобы быть несчастными. У Лёхи пила мать, у Альки пил отец. Пил не прилюдно, а дома, но почти каждый день, и почти каждый день колотил мать. Ночью Алька просыпалась от мягких, чмокающих звуков за стенкой и слушала сиплый свист отца: «С-су-у-ка... с-су-у-ка...»

Мать деревенские бабы называли гулящей. Она, и правда, была весёлой, белозубой и с ямочками на щеках. Алька любила наблюдать за ней. Суется по дому, мать двигалась так, словно танцевала, а то вдруг замирала на миг, закидывала голову назад и чему-то смеялась тихим, мелким, журчавым смехом, и Алька каждый раз удивлялась, какая у матери длинная и гибкая шея. Мать постоянно была занята, но их дом почему-то всё равно выглядел неприбранным и унылым, может быть потому, что мать всё своё хорошее и весёлое берегла в себе, не желая делиться этим хорошим и весёлым ни

с Алькой, ни со своим мужем – Алькиным отцом, ни с домом. Ласкала мать только кота Ваську – гладила, чесала за ушком, а угощая сметанной, купленной у тётки Анны, рассыпалась смехом и, кажется, даже мурчала с котом на пару.

Алька старалась меньше бывать дома, благо никто и никогда не принуждал её к домоседству. С утра она как ветерок проносилась по селу – тут послушает, там посмотрит, а потом уносилась в лес, в ненастные же дни с книжкой пробиралась в хлев тётки Анны, забиралась на копну пахучего колкого сена и читала до тех самых пор, пока глаза не переставали различать буквы. В такие дни и Лёха, задав на ночь корм коровам, забирался к ней на копну, Алька начинала задавать вопросы: почему да отчего? а Лёха отвечал, посвящая её то в тайны космоса, то в тайны Земли, Альке было всё одинаково интересно.

***

И в осень, когда Алька стала взрослой, всё было как всегда.

Стояли последние деньки августа – сухие и тёплые. С утра Алька обежала село, а потом унеслась в лес – прощаться со своими любимцами. Скоро начнётся школа, там и тучи затянут небо, и зарядят дожди, лес пропитается сыростью, и Альке будет не до прогулок.

– Ну как ты? – опускаясь на корточки, спросила она у дубка и любовно ощупала тонкий ствол.

По весне Алька нашла дубок поникшим к земле, видимо,

кто-то тяжёлый наступил на самое основание стебелька и согнул его. Алька сбегала к Лёхе за колышком, воткнула колышек в почву и подвязала к нему дубок. За лето тот подросток окреп и перестал нуждаться в опоре.

– Смотри, не замёрзни зимой! – наказала она дубку и, привлечённая тихим сторожким шорохом, подняла голову вверх.

Из листвы соседнего дерева выглянула белка и, широко растопырив лапки, побежала вниз по стволу; замерла в метре от земли, поводя носом и прислушиваясь, и, не обнаружив опасности, прыгнула вниз, вновь зашуршав уже начинающей опадать листвой. Алька поцокала языком, призывая белку, но та только ускорила бег, спеша по своим важным делам. Это зимой белка будет откликаться на зов, а в поисках угощения даже будет забираться на Алькины ладошки, опущенные к самой земле, сейчас же ей и сам человек, и подарки его без надобности, сейчас провизии полный лес, только успевай наполнять закрома. Алька поднялась и побрела прощаться к другим своим знакомцам – к муравьиной куче.

Мальчишки появились неожиданно, наскочили на Альку и повалили наземь. Она ещё ничего не успела сообразить, как они уже распластали её на земле – двое ухватили за плечи и руки, этих она знала, эти были свои, деревенские, а третий встал коленями на её ноги, и, сколько бы Алька не дёргалась, колени парня только сильнее вжимали её ноги в землю. Этот третий, самый здоровый и взрослый, был нездешним,

про него Алька только и знала, что зовут его Аркадий, и он внук тётки Агафьи. Он старался стянуть с Альки трусы, но она так извивалась, что ему это никак не удавалось. Тогда он выругался и обрушил на Алькино лицо кулак.

Очнулась она от холода – холодно было и спине, и сверху, словно бы нет на ней ничего, и услышала:

– Надо было фонарик взять, показал бы вам, салажатам, как там у баб всё устроено!

Алька чуть не завопила от ужаса, но вовремя прикусила губу и ещё сильнее затаилась.

– А если она расскажет? – полушёпотом спросил другой мальчишка.

«Кажется, его зовут Митей», – зачем-то припомнилось Альке.

– А, Аркаха? Что нам будет?

Аркаха неторопливо прочистил горло, сплюнул и только потом ворчливо ответил:

– Она расскажет, мы расскажем... нас трое, она одна... скажем, что сама приставала. Знаешь же, сука не всочет, кобель не вскочит! – и он противно заржал. Заржал с каким-то хлюпаньем в горле, словно и не смеялся, а захлёбывался смехом. – К тому же вся деревня знает, что мать у ней гулящая, а яблочко от яблоньки... – продолжал он глумливо. – Да ты не дрейфь! Главное, ты мужиком стал! Скажи хоть, понравилось? Ну? Колись давай!

– Да он не понял! – загоготал ещё один. – Так ссал, что

не понял!

– Ну ты!.. Сам ссал! – возмутился Митя. – Кто всю дорогу ныл: расскажет, расскажет?

– Цыц! Раскукарекались, шелупонь! – одёрнул Аркаха. – Меньше болтай, больше делай! Ну что, ещё по разу?

Алька вздрогнула, то ли от холода, то ли от страха содрогнулась, и Митя это заметил.

– Она в себя пришла! – вновь перейдя на шёпот, сказал он со страхом.

– А вот это ништя-я-як! – обрадовался Аркаха. – Так-то только жарче будет! Давай, теперь ты первый!

– Не, я больше не буду! – отказался Митя.

– Зато я буду! – отозвался другой, и Алька почувствовала, как на неё навалилось тело, и вдруг горячей режущей болью пронзило там... внизу. Она вскрикнула, но мальчишка только приподнялся и вновь толкнулся в неё. Боль обожгла ещё раз, и Алька застонала.

– Я ж говорил, жарко будет! – подзадорил Аркаха. – Давай, ей тоже нравится!

Когда затихли их удаляющиеся голоса, Алька встала, оправившая оказавшийся под самой головой сарафан и побрела в деревню. Бежать было больно, да и торопиться нести свою боль было не к кому. Отец... отец решает все проблемы кулаками... или саму Альку изобьёт, или этих... а если этих, об Альке всё село начнёт чесать языками... О матери Алька даже не подумала.

В хлеву у Лёхи горел свет, и Алька решила идти туда. В любое другое время она бы в секунду перемахнула через забор, но сейчас перелезала долго, медленно поднимая и опуская одну ногу за другой. Спрыгнув с нижней перекладины, Алька тихонько охнула и наощупь начала пробираться между рядками картошки.

Насвистывая «Люди встречаются, люди влюбляются...», Лёха задавал коровам сено. Заметив Альку краем глаза, он повернул к ней улыбающееся лицо и умолк, брови его вначале взлетели на лоб, а когда взгляд коснулся измятого, перепачканного землёй подола сарафана, вопросительно сошлись к переносице. Алька заплакала.

– Ты-ы-ы... – протянул Лёха и вдруг каким-то чутьём всё понял. Лицо его переменилось, и он глухо выдохнул: – Кто?

– Агафьин внук... – выдавила из себя Алька. Хотела продолжить: «И наши с ним», но всхлипнула и заревела в голос.

Лёха с силой метнул вилы в стог, зачем-то отёр о штаны ладони и крупным шагом направился к выходу. Алька метнулась было за ним, но увидев выходящую из дома пьяную тётку Анну, попятилась назад. Забыв о боли, она проворно забралась на сено и затихла.

Знакомый с раннего детства с физическим трудом Лёха, конечно же, был сильнее городского внука Агафьи. Найдя того у дома бабки, Лёха схватил его за грудки, встряхнул, но тот и не думал сопротивляться, а лишь миролюбиво поинтересовался:

– А ты чё? Из-за девки, что ли? Так она сама!

Лёха задохнулся и натужно прохрипел:

– Ей... двенадцать...

Городской глумливо протянул:

– Да-а? А выглядит ничего... зрелой... и сиськи, и писька на месте...

Лёха от всей души вломил ему в челюсть. Раздался хруст, городской полетел из света уличного фонаря в темноту бабкина палисадника, с треском ломая штакетник. Цветы с покорным шелестом расступились, принимая его тело, и тотчас раздался ещё один хруст или треск – короткий, страшный, звонкий – это городской упал затылком на валун, который сам же и прикатил, пообещав Агафье вместо её «устаревших» георгинов и флоксов обустроить в палисаднике модный сад камней.

Всё это Алька узнала много позднее.

В самый же момент расправы над её обидчиком, зарывшись от вечерней прохлады в сено, она раздумывала над тем, как незамеченной пробраться в свою комнату. Мимо материнских глаз она прошмыгнёт, мать и не взглянет, а вот мимо отца не прошмыгнёшь, отец и сарафан её грязный заметит, и глаза заплаканные. Посему выходило, что без помощи Лёхи Алька домой вернуться не сможет, и Алька ждала.

Далёкие бабьи крики она не сразу связала с Лёхой, а когда прислушалась и по характерным интонациям поняла, что кричит тётка Агафья, её окатило жаром, сердце заколотило.

лось так, что его удары она услышала и в ладошках своих, и на шее, и где-то в висках. Алька скатилась с сеновала, сорвала с себя сарафан и обнаружила, что сзади подол испачкан не столько землёй, сколько кровью. «Дура! – обругала она себя. – За это время могла бы и замыть, и уже высушить!» Она вилами проткнула подол в самой окровавленной его части и, благодаря насечкам, вырвала из подола грязный кусок. Вновь напяливая на себя сарафан, она решила, что перед отцом будет двигаться боком, спиной к стеночке, а если он потребует показать, что она там прячет, она скажет, что спускалась в овраг за домом, а там и оцарапалась до крови, и изодрала сарафан до самой спины. Алька выглянула из хлева и, косясь на пригорюнившуюся на ступеньках крыльца тётку Анну, стала красться к калитке. Скользнув наружу, она увидела мать и отца, бежавших по улице прочь от дома, дождалась, пока те отбегут подальше, и бросилась домой. Дома переделалась, запихнула изуродованный сарафан под матрас своей кровати и тоже побежала к дому тётки Агафьи. На саднящую боль внизу Алька не обращала внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.